

Денис Королев

Ария длиною в жизнь

12+

Денис Александрович Королев

Ария длиною в жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65963721

SelfPub; 2021

Аннотация

Автобиография Королева Дениса Александровича – ведущего солиста Государственного академического Большого театра России, заслуженного артиста России, лауреата международных конкурсов в Мюнхене и Бухаресте.

Денис Королев

Ария длиною в жизнь

Этот материал должен был быть издан отдельной книгой.

Однако, в связи с пандемией и возникшим в связи с этим экономическим кризисом, издание книги отложено на неопределенный срок.

Поэтому мы решили «издать» эту книгу в Интернете.

*«В нашей пишущей стране
пишут даже на стене.
Вот и мне пришла охота
быть со всеми наравне!»*

(Л. Филатов «Сказ про Федота-стрельца...»)

В жизни мне очень везло. На моем жизненном пути встречалось много прекрасных, умных, талантливых, знающих людей. Каждая такая встреча обогащала мою жизнь и душу. Конечно, я, как и многие другие, пережил в жизни много негативных и даже ужасных событий! Однако, вспоминать мне об этом здесь не хотелось бы. И я буду стараться или обходить негатив или смягчать его. То же касается и людей. Я с удовольствием буду вспоминать хороших людей, добрых, честных, талантливых, и постараюсь не упоминать не очень хороших. В театре такие тоже были. Многих из них уже нет на этом свете, а, как известно, о мертвых или ничего, или только хорошее. Да и как можно критиковать людей, которые уже тебе не смогут возразить... Поэтому, если мне придется их каснуться, я буду просто писать «певец NN». Ведь у всех есть родственники, дети, которым будет неприятно читать, что их близкий упоминается, как не очень хороший человек.

Мне довелось читать книги с воспоминаниями певцов. И всегда было как-то неуютно от их официоза, будто находишься в отделе кадров и читаешь автобиографию. Очень часто они разбирают недостатки других певцов, притом уже тех, кого больше с нами нет. Я же не буду касаться ошибок

певцов и их недостатков, так как не считаю себя вправе это делать, да и не вижу в этом целесообразности. Одно дело подойти к человеку, если ты ему действительно хочешь помочь, (и если этот человек сам хочет, чтобы ты ему помог) и доброжелательно указать ему на его недоработки. А критика за спиной похожа на злопыхательство. В конце концов, у любого, даже у самого известного, великого певца, недостатки можно найти всегда.

Очень не хочется, чтобы мои воспоминания состояли из одних только дат тех или иных событий в моей жизни. Хотя без этого тоже трудно обойтись. Надеюсь, что читатель ощутит и саму атмосферу того времени, в которой мы находились, и представит себе события, встречи, эмоции, жизненные явления, которые воздействовали на нас, на нашу психику, на наше мировоззрение. Поэтому я постараюсь вспоминать все важные вехи, интересные встречи, жизненные уроки и Учителей, оставивших в моей душе глубокий след. И все с легкой улыбкой.

Для начала еще раз скажу, что я очень счастливый человек. В жизни мне очень везло на хороших, добрых, умных, талантливых людей, которые способствовали моему развитию, обогащали меня. Самые важные из них:

Это мой педагог по вокалу, профессор Московской консерватории Гуго Ионатанович Тиц.

Это режиссер Большого театра профессор Борис Александрович Покровский.

Это моя жена Тамара Завеновна Мосесова.

Но, о них я напишу позже.

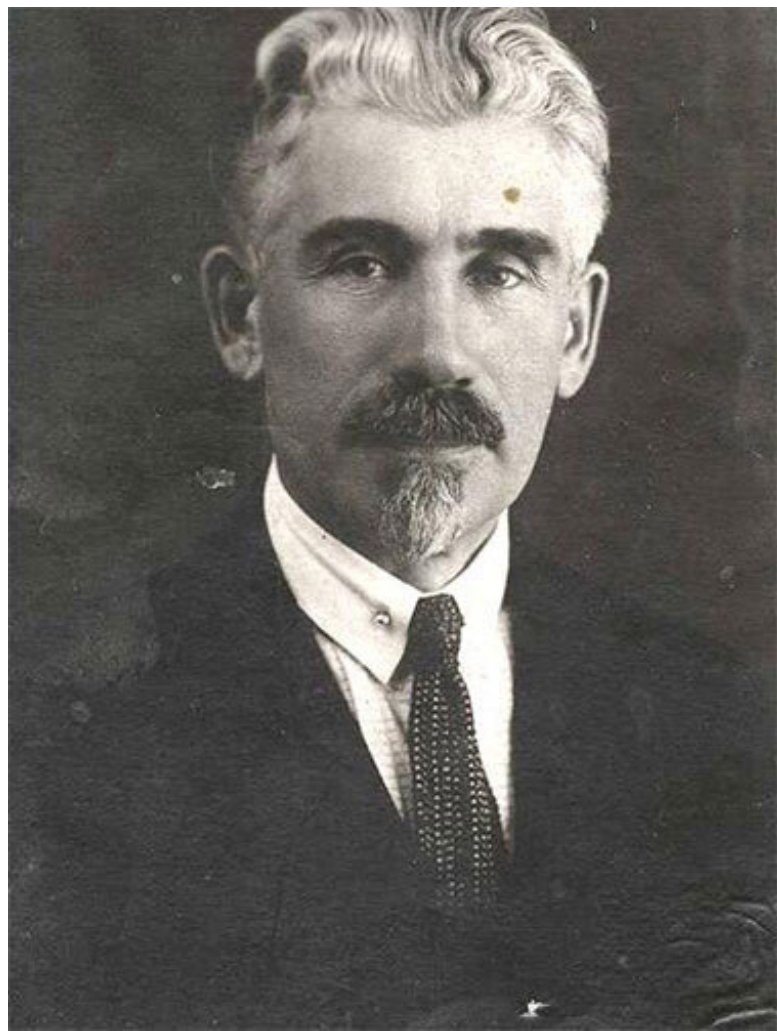
* * *

По отцовской линии я никогда не знал своих родственников. Не знаю почему, но отец с ними не общался. Возможно, у него для этого были веские причины. Но об этом я никогда его не спрашивал.

Зато по линии мамы я знал всех.

У меня были замечательные дедушка и бабушка: Иван Яковлевич Соколов и Елена Васильевна Соколова (в девичестве Салтыкова). Они были удивительные люди.

Дед родился и половину жизни прожил до революции. Поэтому он сохранил в себе то, что потом называли «старый интеллигент». Всем своим обликом он демонстрировал это. Дед был очень умный, знающий, образованный, дружелюбный и неординарный человек. Работал он инженером-гидростроителем, строил различные гидросооружения. До революции профессия инженера была очень уважаемая. В частности дед, кроме прочих строений, строил в Кронштадте причальные стенки для военных кораблей. Они сохранились до наших дней.

Мой дед (фото 40-х годов)

Позднее, уже в Советское время, дед работал одним из инженеров на строительстве Днепрогэса. Конечно, у кого-то может возникнуть вопрос: а в чем же его неординарность? Ну, инженер и инженер. Дело в том, что во всех документах в графе «специальность» у него было написано ИНЖЕНЕР-ПРАКТИК. Т. е. он на практике познал все тонкости инженерной профессии и, не имея официального высшего образования, был признан инженерным сообществом, как профессиональный инженер. Понимаю, что у некоторых скептиков может возникнуть вопрос, каким же профессионалом он был на самом деле? Мало ли самоучек? Ну, чтобы избежать подобного скептицизма, я сообщу следующее: после войны мой дедушка получил удостоверение, которое называется «Патент на изобретение» или «Авторское свидетельство». Он мне показывал это удостоверение и чертежи его работы. Это были какие-то новые приемы отсыпки грунтов при гидростроительстве. А вы много ли видели дипломированных инженеров, имеющих «Патент на изобретение»? Это Удостоверение позволило деду получить Персональную пенсию Союзного значения, что очень облегчило послевоенную жизнь семьи Соколовых. В то время это была высшая пенсия, которая была в стране.

Моя бабушка, Елена Васильевна, тоже родилась до революции. Она тоже была неординарный человек. Ее мож-

но назвать ясновидящей. Однако, своим даром она никогда не пользовалась публично, никогда не зарабатывала на этом деньги. Об этом ее качестве вообще никому не говорили, особенно после революции. Это было небезопасно. Дед мне рассказывал, как однажды в Кронштадте незадолго перед революцией они с бабушкой пошли в театр. А народонаселение в Кронштадте состояло, в основном, из морских офицеров и матросов. Так вот, когда перед началом спектакля бабушка и дедушка вошли в зал, то вдруг бабушка, оглядев зал, схватила деда за руку и сказала: «Ваня, идем скорее отсюда. Здесь сидят одни трупы».

МОСКОВСКАЯ
ФОТОГРАФИЯ
№ 10
УЛИЦА

Мой дедушка и бабушка (стоит) на руках моя мама фото 1906 года

Дед попытался ее урезонить, мол, что ты говоришь, какие трупы. Но бабушка настаивала на своем. Они ушли из театра. Через некоторое время в Кронштадте произошло восстание матросов, и многие офицеры были расстреляны. Для близких, бабушка могла определить – хороший перед ней человек или плохой. Стоит выходить за того или иного человека замуж или нет. Бабушка никогда не работала. Ее главная «работа» было в том, чтобы в доме всегда был уют и тепло. Кроме того, на ее руках было четверо детей: три дочери и сын. Старшая дочь – Валентина Ивановна – это моя мама. Кроме нее по старшинству была Клавдия Ивановна, Анастасия Ивановна и сын Владимир Иванович. Конечно, вырастить и воспитать целый отряд детей – это не просто. Но бабушка прекрасно справлялась с этой задачей. Все дети выросли, получили высшее образование и прекрасное воспитание. Дядя Володя, как и его отец, стал инженером, работал в научном институте. Он очень был похож на своего отца и внешне, и в поведении, и в манере говорить. Это был образованный, знающий, очень мягкий и воспитанный человек. В нем не было ни капельки грубости, вульгарности. С ним всегда было очень приятно беседовать. Мой дядя очень любил музыку, и мы с ним часто вели беседы на музыкальные темы. Дядю Володю тоже можно причислить к «старым

интеллигентам». Он часто бывал на моих концертах. У него был сын Роберт, мой двоюродный брат, мой одноклассник, тоже ставший инженером, и в детстве переживший со всей семьей ленинградскую блокаду. К сожалению, блокада для него не прошла даром, он умер в относительно молодом возрасте.

Моя Тетя Настя (Нана, как ее все называли) окончила Ленинградскую академию художеств и служила потом старшим научным сотрудником в Ленинградском Эрмитаже. У нее родились две дочери. Одна из них Марина Азизян – сейчас очень известный в Питере театральный художник. Другая дочь Татьяна – врач.

И, наконец, моя мама Валентина Ивановна, стала лингвистом, специалистом по русскому языку и литературе. У мамы от первого брака была еще дочь. Ее отец был азербайджанец, поэтому она была Гаибова Лейла Ильясовна. Мы же всю жизнь звали ее Лялей. У нас с ней разница в годах была четырнадцать лет. Когда я уже был взрослым и стал певцом, мы очень дружили, несмотря на такой разрыв в возрасте. Во время моей работы в театре Ляля часто давала мне очень нужные советы. К сожалению, она умерла молодой.

Это моя мама

Тетя Клавдия работала художником-оформителем, в частности уже после войны на ВДНХ в Москве.

Мой отец, Королев Александр Георгиевич, до войны имел звание бригадного комиссара, что по нынешнему ранжиру соответствует званию генерал-майора. Но, в 1943 году, когда переходили на новую форму одежды с погонами, всем звание понизили. Отец стал полковником. Он был настоящий боевой офицер, профессиональный военный. В 16 лет он добровольцем ушёл на Гражданскую войну, участвовал в разгроме «чёрного» барона Унгерна в Даурии. Первый свой орден Боевого Красного Знамени он получил в 19 лет. Повоевал отец и на Халхин-Голе, и в советско-финскую войну. В августе 1941 года за разработанную им блестящую операцию в битве за Москву, он был награжден орденом Ленина. Отец воевал на самых ответственных, напряженных фронтах: Ленинградском, Волховском, Сталинградском.

Это мой папа (фото 1943 г.)

Позднее, уже в мирное время, отец взял меня, школьника, с собой в путешествие на теплоходе по Волге. Когда мы проплывали мимо Волгограда, он на палубе очень оживился и все показывал мне: вот там стояли наши части, там стояли танки, а там были немцы. Было видно, что отец как будто заново все переживает.

До войны моя мама преподавала русский язык и литературу в одной из военных академий Ленинграда. В этой же академии работал и мой отец. Не удивительно, что постоянно встречаясь в академии, пути моего отца и матери, в конце концов, пересеклись, и в результате этого пересечения появился я. Но это не сразу. Незадолго до моего рождения академию, в которой работали мои родители, перевели в Москву. В результате и отец, и мама оказались в столице. Вот поэтому я и родился в Москве.

Отцу дали комнату в коммунальной квартире на Писцовой улице, позади стадиона Динамо. На этой же Писцовой улице в роддоме я и родился. Как мне потом сказали, это произошло 24 декабря в 1938 году.

Я постепенно рос, рос и стал маленьким мальчиком. И вот, по воспоминаниям моей сестры Ляли, женщины на кухне в коммунальной квартире развлекались так. Они меня, двухлетнего, ставили на табурет и просили петь. Тогда было очень популярна неаполитанская песня, название которой

я не знаю, но по рассказам сестры, там были такие строки: «Быть тебе только другом, а не любить тебя, о, нет, о, нет, о, нет, не в силах я.». И все дамы на кухне очень веселились, когда я, от неумения еще произносить некоторые буквы, коверкал слова. Я прошу засчитать мне это, как мои первые публичные «выступления».

А дальше?.. А дальше началась ВОЙНА.

Как меня с мамой вывозили на Урал в эвакуацию, я не помню. Потом мне рассказали, что нас поселили в селе СаранА (Пермская обл, Красноуфимский р-н). Меня отдали в детский дом, т. к. мама постоянно работала, и сидеть со мной было некому. Судя по всему, мама работала даже не в самой СаранЕ, а где-то в другом месте. Этот вывод я делаю из того, что она не могла ко мне часто приезжать, а приезжала очень редко. Помню, что меня очень удивило, когда вдруг на территории детдома после долгого перерыва появилась мама. Я не мог понять, откуда же она взялась... В моем детском уме это никак не укладывалось.

Жизнь в детдоме я почти не помню. Помню, только два случая. Наш детдом был огорожен типичной, как это делают в деревнях, изгородью, т. е. вбивают в землю колья на определенном расстоянии, а между ними по горизонтали прибивают три параллельные земле слеги. (слеги – это стволы молодых деревьев с диаметром ствола не более 4–5 см.). Вот эти колья и слеги и представляли собой изгородь. Человека это остановить не может. Любой взрослый спокойно проле-

зет между слегами. Но скот или зверей такой забор останавливает. Однажды наша воспитательница повела нашу группу гулять в лес, который начинался сразу за забором. Думаю, что воспитательница не хотела идти через официальный вход, и, чтобы не обходить, решила пролезть между слегами. Так вот я очень хорошо помню, как вся группа карабкалась через самую нижнюю слегу. Я же, почему-то, не захотел перелезть через нее, а просто под нее подлез. Может быть, я был самый маленький, поэтому боялся, что не смогу перелезть. А может просто я уже тогда предполагал, что умный в гору не пойдет... И на обратном пути я также пролез под слегой. Вот такой, казалось бы, незначительный случай, а я до сих пор его отчетливо помню и даже мысленно вижу. Другой случай. Один мальчик, более старший, чем был я, увидел гадюку и захотел ее поймать. Он накрыл ее панамкой, а потом просунул под панамку руку. Результат был закономерный. А он, испугавшись, еще и никому не сказал. Его все-таки спасли, но я потом долго видел его с забинтованной рукой.

Уже в 1942 году мы вернулись в Москву. А дома нас ждал сюрприз: отцу дали квартиру. Это был новый дом № 17, построенный непосредственно перед войной на углу ул. Горького (ныне Тверская) и Тверского бульвара. Конечно, после коммуналки переселиться в отдельную квартиру – это было незабываемо.

Этот дом был известен тем, что на его углу вверху на кры-

ше стояла большая скульптура молодой девушки в развевающемся на ветру платье. Это выглядело очень необычно и красиво. Позднее, где-то в 1950-х годах скульптура стала рассыпаться, и ее удалили. Но сейчас возникают мнения, что скульптуру эту надо бы восстановить. Было бы очень хорошо, т. к. дом выглядел бы очень оригинально. В этом же доме проживало много артистов, военачальников, ученых. Жил писатель Лев Кассиль, пианист А. Б. Гольденвейзер, балерина О. Лепешинская, артист С. Мартинсон, много генералов, скульптор С. Т. Коненков.

Моя сестра Ляля училась в ГИТИСЕ на актерском факультете. Она часто водила меня на их факультетские показы в институте, поэтому я с раннего возраста был знаком с театральной жизнью. Вместе с Лялей учился Николай Николаевич Озеров, знаменитый потом артист МХАТа и наш знаменитый комментатор спортивных соревнований. Его отец, тоже Николай Николаевич и тоже Озеров был не менее известен в середине XX века. Он был солистом Большого театра с прекрасным драматическим тенором. Не знаю почему, но однажды оба Николай Николаевича, т. е. отец и сын были у нас в гостях. Их пригласила моя сестра Ляля. И, конечно, меня заставили опять петь на табуретке. Я что-то пел, что-то декламировал. И Озеров старший сказал:

Моя сестра Ляля

«Ну, это уже готовый кадр для Большого театра». Все, конечно, на его шутку засмеялись. А я тогда и понятия не имел, что такое Большой.

После войны мы с мамой не скоро дождались возвращения отца. Сразу после окончания войны совсем недолго отец был военным комендантом в одном из небольших городов Германии. А оттуда он сразу поехал на войну с Японией. Помню, однажды, поздно вечером, я уже лежал в кровати. Вдруг услышал в коридоре какой-то шум. Я приподнялся в кровати и увидел военного и маму, висящую у него на шее. Я очень удивился, но мама сказала: «Папа приехал» и меня сразу же сдуло с кровати. Но он заскочил домой только на одну ночь, переезжая с германского на японский фронт. Был он не один, с ним были его товарищи-однополчане. Тут же был организован стол. Все, что надо было для стола, они привезли с собой, у нас-то угощать было нечем. И вот я, маленький, просидел с ними всю ночь. Они, конечно, выпивали, вспоминали свою войну и предполагали, как пойдут новые бои уже с японцами. В какой-то момент я увидел, что моя мама куда-то собирается. Я изумленно спросил: «А ты куда?» Она ответила: «На работу». Я в недоумении спросил: «Как на работу, мы же еще не спали» Т. е. у меня было представление, что если человек не спал, то другой день наступить не может. Оказывается, может. Отец с друзьями уехали

в то же утро. К сожалению, с отцом я общался очень мало. Мы долго ждали его возвращения домой.

По возвращении он стал работать в одной из московских военных академий (академия готовила разведчиков и контр-разведчиков, поэтому не имела названия, а только в/ч № ...).

Отец был начальником кафедры международных отношений. Конечно, он очень уставал, работал много и поэтому возвращался домой поздно. Сил ему хватало только на то, чтобы поесть и рухнуть спать. Потом он стал работать над кандидатской диссертацией. По приезде домой он садился в кабинете и работал, работал, работал. Мы к нему не заглядывали, чтобы ему не мешать. Таким образом, я с отцом, к сожалению, почти не общался.

Это мой папа (фото 1975 г.)

Прошло время, и он сказал нам, что мы можем его поздравить: он стал кандидатом исторических наук.

Вся семья Соколовых пережила блокаду в самом Ленинграде. Как они выжили, трудно себе представить. Они сами потом удивлялись. Говорят, что очень помогла дисциплина: тот ломоть хлеба, который выдавали на день, нельзя было съесть сразу, надо было растянуть на весь день. Мои родственники говорили, что, как правило, тот, кто съедал хлеб сразу (а удержаться, наверное, стоило невероятных усилий) вскоре умирал. Еще дед рассказывал, что как только люди поняли, что попали в блокаду, они в момент опустошили все полки в магазинах. Деду повезло, он смог где-то раздобыть целый мешок сухого порошка горчицы, которую никто не брал. И вот эту горчицу они вымачивали в нескольких водах, чтобы убрать горечь, и затем из этой массы пекли лепешки. А ведь горчица – очень калорийный продукт. Мою младшую тетю Анастасию забрали в армию. Но, слава Богу, не на передовую. Она стояла на часах внутри госучреждений. Жила она, тем не менее, в казарме, но зато там хоть как-то кормили. Отлучаться из казармы было запрещено. Дисциплина была строжайшая. Тетя Нана рассказывала, как одна молодая девушка сложила шинель под одеяло, будто она спит, и ушла без спроса на свиданье (война не война, а молодость свое берет). Но этот обман был раскрыт, и за нарушение дис-

циплины ее расстреляли. Да, тогда дисциплину поддерживали таким жестоким образом.

Где-то в середине блокады мой отец самолетом смог вывезти из Ленинграда моего дедушку и бабушку. И вот дед рассказывает: они уже приземлились в Москве и сидели в аэровокзале. Вдруг бабушка хватается деда за руку и говорит с удивлением: «Ваня, смотри, там кошка ходит» т. е. ее поразила кошка, которая спокойно гуляла по залу. Всех кошек в Ленинграде давно уже съели. Для меня приезд деда и бабушки был очень приятным событием. Они стали за мной ухаживать, заботиться, кормить, воспитывать, читать сказки, рассказывать какие-то истории из прошлой жизни. Научили меня читать, писать и считать, так что когда я поступил в школу, я все это уже умел делать. Дед со мной занимался разными поделками, учил меня, как правильно что-нибудь мастерить. Конечно, у меня тоже были и свои определенные домашние обязанности. Я ходил за хлебом в Филипповскую булочную. Для этого надо было переходить широкую ул. Горького.

Бабушка Елена Васильевна с внуком Денисом

Подземных переходов тогда не было. Правда, и такого количества машин, как сейчас, тоже не было. Помню, я очень любил калачи и бублики именно из «Филипповской». Они были очень вкусные с хрустящей корочкой. Жаль, сейчас вообще забыли про такие хлебные изделия, как калач или бублик. А если где и есть, то не такие вкусные. Меня отправляли и за керосином. Хотя наш дом был уже газифицирован, но газ шел под таким низким давлением, что огонь в конфорке еле горел. Подогреть что-то на нем еще можно было, а вот сварить – нет. И, поэтому, люди пользовались керосинками или примусами. У нас была керосинка. А керосинку тоже

надо было «кормить». Вот меня и посылали в керосиновую лавку за керосином. Сейчас мало кто понимает, что такое керосиновая лавка. В то время газифицированных зданий в Москве было очень мало, так что лавка была очень популярным местом. Та, в которую ходил я, от нашего дома располагалась не близко, на ул. Герцена (теперь Большая Никитская) почти напротив консерватории, рядом с храмом Малое Вознесение. Храм тогда не действовал, службы в нем не проводились. И вот в этой керосиновой лавке стояли три, можно их назвать, «полуавтомата» для продажи керосина. Там же в лавке нужно было купить специальные жетоны. Жетон бросали в щель полуавтомата и длинную ручку переводили полукругом из левого положения в правое. Полуавтомат выдавал литр керосина. Если нужна была еще доза, надо было опять бросить жетон и перевести ручку уже из правого положения в левое. Получаешь еще литр. Вот так я и снабжал нашу семью «горючим». Все это я очень хорошо помню. Помню еще, как в ночном небе «играли в догонялки» прожектора. Они, как мне казалось, бегали по небу друг за другом. Еще помню, как у нас на Тверском бульваре базировались подразделения, которые обслуживали аэростаты. Ночью эти аэростаты поднимались в воздух, и защищали небо от вражеских самолетов. А днем их приземляли у нас на бульваре и часто зачем-то спускали из них газ, причем очень доступным способом. Девочки – солдаты, обслуживающие эти аэростаты, просто с удовольствием ложились на них и кача-

лись, своим весом вытесняя газ. Им это занятие очень нравилось. Они всегда весело смеялись. Еще помню, как ночью меня будили и вели в бомбоубежище. Это был очень неприятный момент. А потом начались салюты. Для нас – детей это был Праздник. Яркие букеты на черном ночном фоне неба. Иногда по два салюта в вечер. Очень часто по ул. Горького проходили в пешем строю войска с духовым оркестром. Все мы, мальчишки, услышав звуки оркестра, тут же высыпали на улицу и шли рядом с войсками, как бы демонстрируя свою сопричастность.

Еще я очень хорошо помню один момент, очень запавший в мою память. Во время войны трудно было увидеть улыбающегося человека. А тут вдруг, прекрасная погода, солнце. И идут какие-то колонны радостных, красиво одетых женщин с букетами цветов. Притом колонна не одна, а много, из разных сторон. Я не мог понять, что случилось, и куда они идут. Но скоро мне кто-то объяснил, что они идут на Белорусский вокзал встречать возвращавшихся с фронта бойцов. Позднее кинорежиссер Михаил Калатозов такую встречу снял для финала своего знаменитого фильма «Летят журавли». Конечно, саму встречу я не видел, но меня поразило такое скопление красивых, очень нарядных женщин.

После войны, на Красной площади проходили парады, и я всегда со своего балкона смотрел на технику, которая шла на парад и проходила мимо нашего дома. Мне это очень нравилось. Особенно я любил, когда из-за угла с Тверского буль-

вара выезжали красавцы кони, запряженные в лафеты с орудиями. Запрягали их четверками на один лафет. И вот они выезжали из-за угла и выстраивались на ул. Горького по два лафета в ряд. Кони были разномастные: и в яблоках, и белые, и каурые. Другими словами – очень красивые. И еще мне очень нравилось, что на ногах у них выше копыт были цветные «носочки». Но, через несколько лет этих коней перестали привлекать к парадом. А жаль, это было очень красивое зрелище.

Шло время. Я рос и вырослел. Очень рано я стал самостоятельным. Я один гулял по разным местам Москвы, без сопровождения, изучал все прилежащие районы.

Конечно, как и другие мальчишки, я играл во всякие игры: естественно, в войну, в казаки-разбойники, в прятки, в салочки. Очень большую роль в моем становлении, как личность, сыграл кинотеатр «Новости дня». Этот очень маленький кинотеатр был одним из самых первых кинотеатров в Москве. Его открыли в самом начале XX века.

С детства меня тянуло к машинам.

Может быть, раньше в нем и шли большие, игровые фильмы. В мое же время это был кинотеатр хроникально-документальных и научно-популярных фильмов. Название кинотеатра говорит само за себя: «Новости дня» – так назывался очень популярный в то время, регулярно выходивший хроникально-документальный киножурнал. Позднее этот журнал на телевидении заменили такие передачи, как «Время», «Сегодня», и другие новостные программы. Кинотеатр находился около моего дома в начале Тверского бульвара. Цены на билеты туда были очень низкие. Когда была возможность

и денежка, я всегда уходил в «Новости дня». Мне было очень интересно все: и что происходит в стране, как развиваются науки, и какие открытия сделаны в различных сферах... Конечно, любил я и мультфильмы. Несколько раз я смотрел фильм о Параде Победы в 1945 году. Кинотеатр «Новости дня» оказал очень большое воздействие на мое мировоззрение, и на мой кругозор. Сейчас, к сожалению, ни этого кинотеатра, ни окружающих его домов больше нет. Очень жаль, что их снесли, они имели историческую ценность. На их месте разбит Новопушкинский сквер.

В 1946 году я поступил в среднюю московскую школу № 135. Учеба в этой школе ничем особенно от других школ не отличалась. Правда, время войны нас все-таки немного зацепило. Кто-то из старшеклассников принес в школу гранату. Они отнесли ее в подвал школы и, чтобы посмотреть, как она устроена, попытались разобрать. Взрывом один был убит наповал, другие, кажется, отделались ранениями. Но на этом печальное событие еще не закончилось. К сожалению, за это происшествие уволили прекрасного директора школы. Его любили все педагоги и все ученики. Это был очень добрый, справедливый, образованный и очень интеллигентный человек. И школа вся была на нем. Все были очень расстроены, тем более, что новый директор ни в какой сравнение с ним не шел.

Учился я, что называется, ни шатко, ни валко. Сначала я был очень восторжен, рад, что я пойду в школу, очень хо-

тел этого. Но потом восторженность моя улетучилась. Мне стало скучно. Я сидел на уроках пассивно, учителей не слушал и постоянно о чем-то мечтал. Я, конечно, сдавал все экзамены и переходил в следующий класс, но «со скрипом». Экзамены в мое время в школе, проводились, начиная с четвертого класса, ежегодно. И не один, не два, а все четыре. И по географии, и по истории, и по основным предметам. И никто не говорил, что ученики перегружены, как это часто приходится слышать сейчас. Хотя все мы были истощенные после войны, и у нас часто бывало и по шесть уроков в день. Кстати, у нас в классе было 42 ученика, а не как сейчас. Теперь, когда я могу отстраненно посмотреть на это, я думаю, что было правильно проводить экзамены каждый год. Именно при подготовке к экзамену материал усваивается лучше, и хотя бы что-то в голове остается. Более того, подготовка к экзаменам сама по себе развивает память. А сейчас, когда материал не закрепляется экзаменом, все вылетает из головы почти сразу. Вот отсюда и получается, что «Волга впадает в Енисей». И даже при моем «усердии» в учебе, я, все-таки, какие-то знания приобрел, какой-то кругозор к концу школы имел. Со мной учился и младший сын писателя Льва Кассиля – Дима. Он тоже не очень старался учиться. Как правило, он сидел где-то сзади и рисовал. У него были разрисованы все тетради, и учебники. Он был очень остроумный человек. Однажды с ним был такой смешной случай. В это время по литературе мы проходили «Молодую гвардию» А. Фа-

деева. Дима сидел сзади меня и, как всегда, что-то рисовал. (Впоследствии он стал художником). И вдруг его вызывают к доске, и что-то спрашивают по поводу этой книги. Дима молчит, он не учил. Ему стали задавать наводящие вопросы, в частности: С кем был связан Лютиков? (Ф. Лютиков был секретарем подпольного райкома и связан с партизанами). Дима опять молчит. Учитель говорит: «Ну, что ж, садись, два». Дима пришел на место, и я услышал, как он тихо за моей спиной говорит: «Меня пытали, но я никого не выдал. Ишь ты, скажи им, с кем был связан Лютиков». Мы просто тряслись от смеха. Вот такой он был. Мы с ним дружили. Он жил в том же доме, где и я, только в соседнем подъезде.

Не могу не рассказать о замечательной собаке моего отца породы ньюфаундленд. Этот пес носил гордое имя Атос. Всем он нам демонстрировал, что такое преданность и верность. Вот, к примеру, я ухожу из квартиры по своим делам. Он лежит и спокойно смотрит, как я одеваюсь. Я ушел, спустился вниз и вдруг обнаружил, что что-то забыл. Поднимаюсь, открываю дверь. Навстречу Атос бросается ко мне с такой радостью, как будто он меня год не видел. А ведь прошло всего минуты две. И так каждый раз. Иногда, бывало, мама варит обед на кухне, а он лежит там же. Я в комнате готовлю уроки. Мама говорит Атосу: «Пойди, позови Дениса обедать». Он встает, идет ко мне и начинает меня толкать мордой под локоть, мол, что сидишь, тебя же зовут. Еще смешной был с ним случай. Одно время мой отец со своим другом

ездил на зимнюю, подледную рыбалку на Московское море. Конечно, брал с собой и Атоса, чтобы он погулял, побегал. Однако, Атос был «комнатной» собакой, т. е. со щенячьего возраста он жил в квартире и у него не было закалки тех собак, которые с детства в любой мороз живут на улице. Атос много часов пролежал на льду и заработал двухстороннюю пневмонию. Конечно, вызвали ветеринара. Он назначил лекарства, приказал сшить попону и без нее на улицу собаку не выводить. Но это сейчас можно купить любую попону на любую собаку. А тогда ничего не было. Врач поэтому и сказал, чтобы сшили. Но как сшить? Мы не умеем, да и не из чего. С нами жила тетушка, которая очень любила Атоса. Так она нашла выход из положения. Взяв свой огромный деревенской вязки шерстяной платок, она укутала все тело Атоса. В те дни были сильные морозы, и у Атоса подмерзли кончики ушей. Он все время тряс головой. Так она и здесь нашла выход. Она взяла свой головной ярко красного цвета шерстяной платок с яркими розами и замотала голову собаки. Выглядывала только черная морда и глаза. Это было потрясающее зрелище. И вот мы гуляем с такой «замаскированной собакой». Обычно мы гуляли вдоль Тверского бульвара, но не внутри, а снаружи, вдоль решетки. Идем мы спокойно, ни на кого не бросаемся. Водители нас видят и спокойно объезжают. Я иду и предвосхищаю реакцию людей на бульваре. Пока они нас не видят. Люди идут к выходу с бульвара, и вдруг из-за гранитной тумбы, ограждающей выход,

появляется огромная черная морда в ярко красном платке с розами, поворачивает голову и смотрит на них. Реакция потрясающая. Сначала полное оцепенение, потом наступает понимание и, затем, гомерический хохот. На это без смеха смотреть было нельзя. Вообще, о собаке можно рассказывать без конца. Я очень люблю собак. Правду говорят, что собаки делают нас лучше. К сожалению, у меня сейчас нет собаки потому, что их век короткий. Это очень больно, когда они умирают. Будто отрывается частичка твоего сердца.

В школьной жизни тоже много было интересных случаев. До 1965 года день 9 мая был рабочим днем. В народе ходили мнения, что хорошо бы в такой праздник день был выходным. Но решения по этому вопросу все еще не принимали. Однако, всем казалось, что вот – вот. И вот наш класс, очень обидевшись, что в очередной раз этого не произошло, решили, так сказать явочным порядком, сделать день не рабочим. Вернее, не явочным, и всем классом не явились на занятия. Когда же я пришел домой, родители уже были оповещены. Отец, конечно, ругал меня, а на мое заявление, что день Победы должен быть не рабочим, он сказал фразу, которую я навсегда запомнил: «Ах да, я же совсем забыл, ты же активно ковал Победу» После этого мне стало как-то неловко. Ну, в 1965 году это дело было исправлено, и день 9 мая стал праздничным днем.

В 1950 году после каникул мы приехали в Москву и удивились. Вдруг мы обнаружили, что половину учащихся на-

шего класса составляют девочки. Оказывается, объединили школы нашу мужскую и соседнюю женскую. Это было для нас неожиданностью. Мы не знали, как себя вести. Позднее мы, конечно, привыкли и освоились. Сейчас, глядя через такой промежуток времени, мне кажется, что это объединение классов было ошибкой. Мальчики и девочки должны учиться в разных школах. Когда девочки из соседней школы приходили к нам на танцевальные вечера, мы на них смотрели с интересом и любопытством. Девочки в наших глазах представляли какую-то загадку. А когда они стали учиться с нами рядом, загадка быстро испарилась, и стало все обыденно, а это неправильно. В женщине всегда должна быть загадка. Позднее девочки вообще превратились в «своего парня», с которым можно было вместе курить, пить и материться, как извозчик. И сейчас мы все это повсеместно видим. Иногда скажешь молодому человеку: «Ты бы постеснялся девушки», а в ответ: «А чё, она же свой парень». Нет, все-таки девушки не должны превращаться в «своего парня», а должны быть женственными, грациозными и обязательно загадочными.

Конечно, как и все другие ребята, я покуривал. Сигарет тогда не было, а были папиросы «Север», «Прима» и, кажется, «Спорт». Более дорогие, такие, как «Беломор-канал» и «Казбек», были нам не по карману. Хотелось, как и всем, стать взрослее. К счастью, удовольствие мне это не доставляло, и вскоре курить я бросил.

В 1953 году умер И. В. Сталин. Вся страна погрузилась в

траур. Люди шли к Дому союзов, чтобы проститься с ним. Я тоже попытался пойти, но (слава Богу) увидел, что очередь стоит от самой Пушкинской площади в сторону Трубной площади, а оттуда уже к Дому союзов. Это очень большой крюк. Я представил себе, какой путь надо пройти, и желание у меня улетучилось. А ведь именно там, на Трубной площади, и была знаменитая давка, в которой погибло несколько сот человек. Большая трагедия. Были люди, которые говорили, что Он и здесь за собой утащил людей в могилу. А, выжившие потом перефразировали известное выражение: «Человек прошел огонь, воду и Трубную площадь». В один из тех дней моя мама как-то произнесла: «Как же мы теперь без него жить будем?». Мне, четырнадцатилетнему, это было удивительно и непонятно. Когда же на Красной площади проходили сами похороны Сталина, все стояли у громкоговорителей и слушали трансляцию. Телевидения еще не было. Но дикторы очень подробно в деталях рисовали картину происходящего, так что слушатели имели возможность вполне полноценно домысливать происходящее. Я очень хорошо помню, как в момент захоронения Сталина мой отец стоял у приемника по стойке смирно и тихо плакал. Меня потрясло, что боевой командир, ни раз смотревший смерти в глаза, видевший, как на его глазах погибали его товарищи, теперь молча стоял, и крупные слезы катились по его лицу. Он этого даже не стеснялся. Меня это поразило больше, чем сама смерть Сталина. Летом 1954 года после отды-

ха, когда мы вернулись в Москву то... не нашли стоявшего в начале Тверского бульвара памятника А. С. Пушкину. Когда-то мой дед меня маленького водил вокруг этого памятника, декламируя: «И долго буду тем любезен я народу...». Особенное ударение и, даже, смысл он ставил на последней фразе: «И милость к падшим призывал». И вот этого памятника вдруг нет. Оказывается, ему «надоело» стоять спиной к солнцу, он переехал на самую площадь и развернулся к солнцу лицом. Были тогда люди, которые это не одобряли, мотивируя тем, что по Тверскому бульвару Пушкин гулял. Но мне новое место понравилось больше. В начале Тверского бульвара рельеф улицы Горького понижается к бульвару, и памятник стоял как будто в низине. Когда проезжаешь мимо на машине, его, даже, не сразу можно было увидеть. А новое место расположено как раз на возвышении, и памятник хорошо смотрится на фоне неба. Кроме того, Пушкин наверняка гулял не только по Тверскому бульвару, но и заходил в Страстной монастырь, располагавшийся посередине Пушкинской площади, т. е. позади нынешнего памятника Пушкину. Но была еще веская причина для переноса. Когда в 1880 году ставили памятник, то слева от него не было высокого жилого дома, как сейчас, а был небольшой храм во имя Дмитрия Салунского. Поэтому памятник Пушкину не был «задавлен» высоким зданием, стоящим непосредственно рядом с ним. А с постройкой здания на углу Тверского бульвара, ощущение воздушности вокруг памятника исчез-

ло. И вот теперь, памятник снова легко дышит, как бы парит в воздухе.

Я уже писал, что очень любил технику и собирался заниматься ею во взрослой жизни. Мечтал поступить в технический институт. Занимался разными техническими поделками. Все время я запоем читал журналы «Знание-сила» и «Техника молодежи», собирал конструкторы. Сам что-то конструировал. Много мне мой дед разъяснил, показал и научил. Где-то в это же время один мой школьный товарищ рассказал мне, что в Москве есть интересная секция, называемая Клуб юных автомобилистов. Там занимаются со школьниками автовождением. И они, действительно, ездят на настоящих машинах. Мы очень загорелись и узнали адрес этого клуба. Расположен он был на Садовом кольце не далеко от Самотеки. Мы, конечно, туда поспешили, и нас приняли. Нам дали немного теории и правила дорожного движения. Потом отвели во двор, где стояли грузовые автомобили ГАЗ-АА, которые в народе называли «полуторками», т. к. их грузоподъемность была 1.5 тонны. Сначала нас просто посадили в кабину, показали, как переключать скорости, как пользоваться ручкой опережения зажигания. Сегодня нынешняя молодежь не знает, что такое опережение зажигания. У современных машин это происходит автоматически. А в старых машинах при запуске двигателя специальной ручкой, расположенной на рулевой колонке, нужно было выставить одно положение зажигания, а для поездки уже другое. Вот

этому всему нас и обучали. Потом вдруг инструктор сказал: «Заводи». Ну, я завел и ждал, что будет дальше. А дальше он сел рядом со мной и сказал, почти, как Гагарин: «Поехали». Я включил скорость, и мы потихоньку поехали. Думалось, что ездить мы будем по двору. Но нет. Инструктор сказал, чтобы я выезжал на Садовое кольцо. Конечно, тогда движение было не таким интенсивным, как сейчас, но все равно, на Садовом всегда было много машин. Вот так инструктор меня сразу приобщал к интенсивному движению. Мы потом с ним много ездили по разным улицам Москвы. В конце концов, обучение закончилось. Нам выдали справку, в которой было сказано, что мы прошли обучение. Но ездить могли только в присутствии инструктора или опытного водителя, т. е. права не являлись полноценными. Все равно, мне это очень помогло, когда будучи взрослым, я учился на курсах вождения и потом сдавал экзамены. Притом, я сразу попросил посадить меня не на легковую машину, а на ГАЗ-51 (т. е. на грузовик). Я подумал, что если я на грузовике смогу нормально ездить, то на легковой у меня вообще проблем не будет. Это так и было. Если я на грузовике свободно заезжал задним ходом в узенькую арку, то на легковой машине это совсем труда не составляло. Уж здесь мне после экзаменов выдали полноценные права.

Пел я дома, но только для себя, и когда никого не было (на табуретку при этом я не вставал!). Почему-то я стеснялся своего голоса и самого факта, что я могу петь. Я нигде не

участвовал ни в хорах, ни в кружках по пению. Но я очень любил музыку и в частности оперу. Мама мне в этом очень помогала, доставая билеты в Большой и в его филиал. Она часто водила меня в Большой зал консерватории на симфонические концерты. Однажды в филиале Большого я слушал оперу Россини «Севильский цирюльник» с Верой Михайловной Фирсовой в главной роли. Она тогда блистала. Мне даже в голову не могло придти, что пройдет какое-то время, и я сам буду петь в Большом театре, и с этой же Верой Михайловной, и все того же «Севильского цирюльника». Мы с ней пели очень часто, и не только в этой опере, но и в «Травиате» и в «Риголетто».

В то время на экранах кинотеатров шел фильм под названием «Музыкальная история» с Сергеем Яковлевичем Лемешевым в главной роли. Прекрасный музыкальный фильм. Я его видел не менее пяти раз, а может и более. В этом фильме мне очень нравился Лемешев, и мне очень хотелось петь, как он и играть и петь роль Ленского. Но я понимал, что это было равносильно желанию полететь на Луну.

Пластинок у нас в доме не было, да и патефона тоже, т. к. мама очень не любила специфический звук патефона. Музыка я очень любил с раннего детства, причем классическую. Я получал от нее огромное удовольствие. Но тогда возможность слушать музыку была только по радио. На радио в то время была всего одна программа. Зато там очень часто транслировали спектакли из драматических театров и

из Большого театра. Я много опер выслушал подобным образом. К сожалению, сейчас таких трансляций не ведется. А жаль...

И еще, я брал частные уроки фортепиано у Елены Львовны Горностаевой. Елена Львовна была матерью знаменитой впоследствии, Веры Васильевны Горностаевой, известной профессиональной пианистки, профессора Московской консерватории. С Еленой Львовной я занимался примерно два года и достиг определенных успехов. Все это мне дало мало-мальски хоть какое-то музыкальное развитие.

В старших классах я мечтал стать военным моряком. Мечтал поступить в Нахимовское училище, но в Москве его не было. Даже, приезжая в Ленинград к родственникам, я выяснял, что же надо для поступления в военно-морское училище. Мне очень нравилась морская романтика. Когда мы с мамой приезжали в Ленинград, а мы приезжали туда каждое лето, я с моим двоюродным братом Робертом (в семье его все звали Роба) всегда посещали Военно-морской музей. Тогда он располагался в здании биржи на стрелке Васильевского острова. Мы разглядывали макеты военных судов, фото и прочие экспонаты, связанные с морской службой. Опять же, все с тем же Робой, мы всегда были на набережной Невы во время празднования дня военно-морского флота. Издали мы с большим интересом наблюдали за парадом. Тогда, конечно, парады было намного скромнее, чем сейчас. И судов на Неве было меньше, и на берегу не было праздника ника-

кого. Только катер с принимающим парад адмиралом проходил по Неве и у каждого корабля приветствовал выстроенные на палубе экипажи судов. Поэтому, я действительно горел военно-морской службой. Но...на моем пути встретился один умный человек. Он предложил мне, отбросив романтику, проанализировать мою будущую службу. Он нарисовал мне яркую картину морской службы, которая изменила мои мечты. Постепенно я остыл, но море влечет меня до сих пор. Я с удовольствием смотрю фильмы, где большую роль играет море и военные суда. И, конечно, я и сейчас «принимаю» парад в день военно-морского флота по телевизору.

Где-то в классе девятом, один мой товарищ по имени Владик предложил ходить на занятия в хор здесь же в школе. Я пошел с ним с большой неохотой. Там действительно был маленьких «хорик», человек восемь, и мы там распевали разные песни. Занималась с нами бывшая профессиональная певица, звали ее Анна Ивановна Лобанова. Постепенно я привык к этому хору. Однажды Анна Ивановна предложила нам с Владиком выучить произведение композитора К. П. Вильбоа под названием «Моряки» (Нелюдимо наше море...). Мы увлеклись этой работой. У Владика был баритон, у меня тенор, поэтому складывался неплохой дуэт. Когда мы стали все это петь уверенно и свободно, Анна Ивановна предложила спеть его ни больше, ни меньше, как в Колонном зале Дома союзов. Там проходил какой-то смотр школьной самодеятельности. Мы, конечно, перепугались, ведь мы

вообще еще ни разу не пели в зале, а тут в таком огромном.

Но Анна Ивановна нас все-таки вывела на сцену Колонного зала. Конечно, мы труса праздновали сильно, но собрались и спели очень удачно, нас все поздравляли. После этого, Анна Ивановна сказала мне, что надо серьезно начинать учиться пению, надо поступать в консерваторию. Мы стали с ней разучивать классические произведения, с которыми можно было бы прослушиваться на предмет поступления.

Почему-то я решил, что поступить в Ленинградскую консерваторию легче, чем в Московскую. Я полагал, что все стремятся в Москву и поэтому в Ленинграде конкурс будет меньше. Кроме того, у меня в Ленинграде жила девушка – первая любовь. И я рассчитывал, что если я буду учиться в Ленинграде, то мы сможем быть вместе. Да и вообще, хотелось оторваться от родительской опеки. Я поехал в Ленинград, я поступал в консерваторию, я дошел до третьего тура, но... но принят не был. Мне сказали, что мне еще рано, надо годик подождать. Можно догадаться, какое у меня было расстройство. Там же на экзаменах я познакомился с одним молодым человеком. Его звали Олег Скачков. Он был значительно старше меня, уже окончил консерваторию, как теоретик, и теперь снова поступал, но уже на вокальный факультет. И тоже принят не был. Он был очень образован в области музыки. Я потом к нему часто ходил домой. У него был хороший проигрыватель, и мы слушали музыку. Однажды, он упомянул композитора Шумана. Я музыку Шумана совсем

не знал, но от кого-то слышал, что это не интересно, скучно. И я посмел себе высказаться, что я не люблю Шумана. Он на меня удивленно посмотрел и сказал: «Ну, ты счастливый человек». Я очень удивился и спросил: «Почему?». Его ответ меня поразил. Он сказал: «Потому что у тебя все впереди». Как же он тогда был прав. Позднее я много раз вспоминал эти его слова.

Мой вояж в Ленинград плодов не принес. Я возвратился в Москву. И любовь моя постепенно увяла. Но после этих прослушиваний в консерватории я «заразился» пением. Я стал активно выяснять, где и кто поёт, посещал в консерватории все вечера вокального факультета. Там я увидел и услышал никому еще не известную студентку красавицу Галю Писаренко (будущую солистку театра Станиславского и Немировича-Данченко, Народную артистку России), студента Юрия Мазурока (в будущем солиста Большого театра, народного артиста СССР), студента Сашу Ведерникова (будущего солиста Большого театра, Народного артиста СССР). Саша в Малом зале консерватории пел совсем еще не знакомые тогда произведения Г. Свиридова. Успех был грандиозный.

Однажды я узнал, что доцент вокального факультета Гуго Тиц, в Белом зале консерватории будет петь сольный концерт. Кто такой Гуго Тиц я не знал, но, конечно, я туда пошел. Белый зал расположен в правом крыле консерватории. В программе были указаны романсы... Роберта Шумана. Это был потрясающий концерт. Гуго Ионатанович, будущий мой

педагог, пел прекрасно, очень выразительно, с великолепными нюансами. Столько эмоций! Я был просто восхищен! Вот тогда-то я и вспомнил слова Олега Скачкова по поводу Шумана. Зал был переполнен, яблоку негде было упасть. И такой грандиозный успех. Каждый романс сопровождался оглушительными аплодисментами. С концерта я шел ошеломленный.

Анна Ивановна Лобанова согласилась заниматься со мной индивидуально. Я ходил к ней домой. Мы разучивали разные произведения, которые могли бы понадобиться при поступлении. Через своих знакомых, мама нашла концертмейстера, которая работала в консерватории в классе у Тица. Она уговорила его прослушать меня. Мне назначили время, и я пришел в консерваторию в 24 класс Нового корпуса. Я пел какой-то душещипательный романс и сам себе аккомпанировал (уроки с Еленой Львовной Горностаевой даром не прошли). Тиц снисходительно послушал и сказал: «Приходи. Посмотрим, может на подготовительное отделение можно». Дело в том, что абитуриенты всех факультетов консерватории занимаются музыкой с детства и приходит в консерваторию после музыкальных училищ. Они уже подготовленные, с определенным знанием музыкальной грамоты, гармонии и музыкальной литературы. Это обязательное условие для поступления в консерваторию. Певцы же не могут с детства заниматься пением по физиологическим причинам. Поэтому, кто-то учится в музыкальных училищах, но далеко не все.

Для тех же, кто не учился в таких училищах, и было создано на вокальном факультете подготовительное отделение, чтобы люди с хорошими вокальными данными, но без среднего музыкального образования за два года получили минимум музыкальной грамотности, и параллельно уже развивались, как певцы. Таким образом, я подал документы и стал ждать прослушивания. Прослушивание состоялось в Большом зале консерватории. Нервы, конечно, на пределе. От одного вида этого огромного зала ноги могут подкоситься. Но мне опять повезло. Прослушивание проходило летом. Концертный сезон уже закончился. Вероятно, для ремонта или профилактики, весь огромный орган Большого зала был разобран. Все его трубы, от самых больших до самых маленьких, были разложены на полу сцены. Вся сцена была буквально покрыта этими трубами. Чтобы добраться до рояля, где предстояло петь, нужно было несколько раз перешагивать через них. И, как это ни странно, такое блуждание по сцене частично уняло сумасшедшее волнение. Недаром психологи говорят, чтобы избавиться от волнения надо занять себя чем-нибудь другим. Мне трудно сказать, как я пел. Было три тура. В результате мне сказали, что я принят на первый курс подготовительного отделения. Это было в 1958 году. Конечно, радости моей не было предела.

Но на этом радость моя не закончилась. Назначили меня и еще одного тенора в класс... Сергея Яковлевича Лемешева. Представляете мои ощущения – я буду учеником

самого Лемешева! Однако Гуго Ионатанович предупредил нас, что Сергей Яковлевич сейчас на гастролях. Чтобы не терять времени, он предложил нам ходить на занятия в класс к нему. Прекрасно, лишь бы заниматься. Но занятия начались не сразу. Группу студентов, не только первокурсников, но и из старших курсов, отправили в село в Зарайском районе собирать картошку. Старшее поколение помнит, конечно, как это бывало. В нашей группе были будущие солисты Большого театра Неля Лебедева (Заслуженная артистка РФ), старшекурсник Юрий Мазурок (Народный артист СССР) и я. Были и студенты с других факультетов. Через месяц «ударного труда», мы вернулись и приступили к занятиям. Спустя три месяца Гуго Ионатанович сказал нам двоим, что Сергей Яковлевич просил освободить его от преподавания. Мотивировал он это тем, что часто ездит на гастроли, и что ему жалко своих студентов, которые будут оставаться без педагога. Поэтому Гуго Ионатанович оставил нас в классе у себя. На этом мое образование у Лемешева закончилось. Позднее на пятом курсе я еще встретился с Сергеем Яковлевичем. Он пришел в студию, как художественный руководитель и режиссер. Тогда он занимался «Евгением Онегиным» и дал мне много полезных советов. Однажды, во время перерыва репетиции, он шел со мной по проходу в зале, что-то объясняя, и приобнял меня за плечо. Потом наши девочки из группы говорили: «Какой ты счастливый, тебя сам Лемешев обнимал».

Гуго Ионатанович был удивительный человек. Русский немец. Родился он в немецкой колонии под Пятигорском. Именно поэтому он блестяще владел немецким языком. Гуго Ионатанович был прекрасным музыкантом. Учился он у итальянского профессора Романо Гондольфи. Иногда в классе, ссылаясь на Гондольфи, Гуго Ионатанович высказывал очень веские замечания. В частности передал мне утверждение итальянского мастера, что в Италии в эпоху «bellcanto» петь фальцетом было запрещено. Это считалось не профессионально. Я запомнил этот урок навсегда и никогда не пел фальцетом. Даже в каватине Владимира Игоревича в опере Бородина «Князь Игорь», несмотря на традицию брать последнюю ноту фальцетом, я никогда его не использовал. Да и к образу Владимира Игоревича – молодого человека и смелого воина – фальцет как-то не подходит. На конкурсе в Мюнхене я взял последнюю ноту голосом, а потом сильно сфилеровал ее до пиано. Получилось и красиво и убедительно. Гуго Ионатанович получил очень хорошую школу и умел ею делиться со своими студентами. Гондольфи говорил, что нельзя петь «открытым звуком» надо всегда «прикрывать». Мой профессор добивался от нас именно этого. Тогда звук становился особенно красивым, собранным. Гуго Ионатанович очень следил и за высокой вокальной позицией, и говорил, что с высокой позицией должны петь все даже басы, а уж тенора и подавно. Забегая вперед, скажу, что когда я потом преподавал в консерватории, у меня был студент – бас.

Как и все басы, он очень настороженно относился к педагогу-тенору. А с нижним регистром у него были большие проблемы. Максимум он с большим трудом мог опуститься до ля бемоль малой октавы. И вот я ему рассказал про высокую позицию. Он с недоверием слушал. Тогда я ему предложил, в виде эксперимента, медленно спеть три ноты: ми, ре, до, первой октавы. Просто траля-ля, но все время следить за высокой позицией. Я попросил его петь совершенно свободно и искусственно не доставать нижние ноты откуда-то из глубины. Как получится, так и получится. Ну, он спел три ноты. Потом еще на пол тона ниже – спел, потом еще, и еще и так дошли до ми бемоля малой октавы. Я уверен, что он мог бы еще спеть на пол тона ниже, но я уже не стал его насиловать. И вот я держу клавишу ми-бемоль и у нас с ним маленький диалог:

– Какая нота?

– Наверное, соль».

– Иди, посмотри, я держу эту клавишу.

Он обошел рояль, посмотрел и от удивления у него глаза расширились. О такой ноте он даже не мечтал. Вот, говорю, что значит высокая позиция.

Очень большое значение мой профессор предавал дикции. Это важно не только для того, чтобы слушатели понимали, о чем ты поешь. Хотя это тоже очень важно. Гуго Ионанович говорил, что дикция – это фундамент пения. Она снимает часть нагрузки с голосовых связок. Потом, в про-

цессе работы, я убедился в правильности его слов. Действительно, при активной дикции связки устают меньше. Большое внимание Гуго Ионатанович уделял фразировке и передаче смысла текста. Он говорил «Думай, о чем поешь, о смысле текста, а не просто издавай звуки». Певцов даже с очень красивым голосом, но поющих без смысла, через пять минут становится скучно слушать. Таких он называл «звучкодуями». Помню, у нас на курсе была такая певица с великолепным голосом, но с полным отсутствием понимания, о чем она поет. Действительно, ее красивое пение очень быстро надоедало. И еще, Гуго Ионатанович очень большое внимание уделял так называемому процессу **впевания** музыкального материала. Он говорил, что мало произведение выучить, его надо еще хорошо впеть. Именно тогда произведение становится на свое место и по звуковедению и по дыханию. Эта кухня должна быть доведена до автоматизма, чтобы во время пения уже не думать, как дышать и прочее, а думать о выразительности. Партию Ленского я впева́л год. Гуго Ионатанович очень бережно относился к новым ученикам, не желая их сразу переделывать. Он говорил, что процесс обучения, а особенно исправления каких-то вокальных огрехов, это процесс эволюционный, и никогда не революционный. Нельзя, дергая дерево за макушку, заставить его тем самым расти быстрее.

Прекрасно знал Гуго Ионатанович не только камерный репертуар немецких и русских композиторов, но и сам пел

в опере баритоновые партии Онегина, Фигаро, Дон Жуана и другие. Он был прекрасный человек, добрый, веселый, остроумный. Очень любил шутить и всегда сам заразительно смеялся. Профессор очень заботился о студентах, и не только из своих, но и из других классов тоже. В частности на моих глазах был пример: два студента не из класса Тица подрались. Декан факультета должен был исключить их обоих. Но у одного из них был очень хороший голос. И вот декан Тиц звонит в Ленинград декану вокального факультета Ленинградской консерватории, рассказывает ситуацию, и просит принять этого студента в консерваторию. Студента приняли. Таким образом, Гуго Ионатанович помог студенту, не сломал ему жизнь. А ведь мог подойти формально, исключить и все. А сколько раз Тиц добивался стипендии для студентов, которым она была не положена. Также случай с преподаванием Лемешева. Он же мог сказать нам: «Вот приедет Лемешев, тогда и будете с ним заниматься. А пока можете учить вокализы с концертмейстером». Но он все три месяца с нами занимался. Для меня Гуго Ионатанович стал вторым отцом. Нет, можно даже сказать, первым (прости меня, папа!). Всему, что я потом умел делать на вокальном поприще, да и в жизни тоже, я обязан моему профессору. Всем моим музыкальным, вокальным, да и жизненным представлениям я был также обязан только ему. Позднее во всех конкурсах половина побед, если не две трети, по праву принадлежали Гуго Ионатановичу. Он учил меня не только пению, но и

жизни, и мировоззрению и правильному мышлению, а это очень важно для певца. Не знаю, смог бы я состояться, как личность и певец без влияния Гуго Ионатановича. До сих пор я ношу в сердце глубокую благодарность этому замечательному человеку.

Иногда в класс к Гуго Ионатановичу заходил его бывший студент, замечательный баритон, солист Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко Лев Морозов, чтобы подстроить голос, избавить его от ненужных наслоений. Певец не может жить без корректировки голоса. Без этого голос куда-то уползает. Я сам, когда уже работал в театре, неоднократно приходил к Гуго Ионатановичу, чтобы подстроиться. Мы, студенты, смотрели на этого певца с благоговением, как же – профессионал! У него был прекрасный бархатный баритон. И взрывной темперамент. Он мог сразу же зажечь всех. Мы с восхищением слушали его. Позднее он уехал в Ленинград и стал солистом Ленинградского театра им. Кирова (ныне Мариининка) К сожалению, жизнь его была коротка. Учениками Гуго Ионатановича был и Миша Егоров (солист Мариининского театра), и Петя Глубокий (солист Большого театра), и Саша Сибирцев (солист Пермской оперы, Народный артист РФ), и Анатолий Соколовский (солист Якутской оперы), и Володя Высокинский, принятый в Большой, но потом, по семейным обстоятельствам, ушедший из него, и многие другие, успешно служившие потом в разных оперных театрах Советского Союза.

Но вернемся к подготовительному отделению. В то время в консерватории студент подготовительного отделения уже считался студентом консерватории. В частности, по этой причине я избежал службы в армии. В консерватории в то время была своя военная кафедра. Мне выдали студенческий билет. Тогда был такой порядок, если студент после второго курса подготовительного отделения мог показать какой-то необходимый уровень, его без экзаменов переводили на первый курс уже самой консерватории. Если же возникали сомнения, то предлагали поступать еще раз на общих основаниях. Сейчас такого положения нет, все поступают на общих основаниях. Мне кажется, что это неправильно. За два года студента можно очень хорошо узнать, а не «покупать кота в мешке». За этот срок студент проявит себя и как талант, и как человек. В период моего преподавания в консерватории, был случай, когда одна студентка с великолепным голосом (и все об этом знали) после подготовительного на общих основаниях не поступила. Здесь были, вероятно, какие-то «подковерные игры». Она, конечно, потом была принята, но какой удар, какой моральный урон.

В отличие от моей учебы в школе, в консерватории я учился, как «зверь». Я не пропустил ни одной лекции ни по каким предметам. Я занимался очень активно. Притом, природный певческий материал у меня был более чем скромный. Некоторые студенты класса Гуго Ионатановича говорили ему: «Зачем Вы его взяли. У него же нет голоса». На что

он отвечал. «Поживем-увидим. Цыплят по осени считают». Проучился я полгода. И вот наступил первый зимний зачет по пению. Проходил он в Малом зале консерватории. Этот зал, хоть и называется Малым, но на самом деле совсем не малый. Это он малый по сравнению с Большим залом консерватории. Все студенты очень нервничают. Один студент вышел на сцену, начал петь вокализ и медленно сполз под рояль. Потерял сознание. Вот до какого напряжения были взвинчены нервы. Нет, я под рояль не падал, и сознание не терял, но тоже «отличился». В классе я пел вокализы соль-феджируя их, т. е. с названием нот. Гуго Ионатанович был принципиально против вокализации на одной гласной. Он говорил: «Ведь в жизни вам придется петь со словами. Вот и учиться петь надо со словами, а вокализация на одной гласной приводит гортань в статичное состояние». Я четыре месяца пел вокализы с названием нот, все было в порядке. И вот, я выхожу на сцену петь зачет и... и пою, вокализируя на одной гласной. Гуго Ионатанович понять не мог, как такое могло произойти. Позднее он говорил: «Ну, я мог бы понять это, если бы мы хоть раз в классе попробовали петь на одной гласной, но ведь мы же ни разу так не пели». Вот, что такое нервы. К счастью, больше у меня подобных казусов не было. Правда, был еще один неприятный момент, связанный с нервами. В классе я пел нормально, спокойно. Но стоило мне выйти на сцену и при публике, то через несколько секунд пения у меня горло схватывал спазм. Петь так было уже невоз-

можно. Одно глотательное движение, которое убирало этот спазм, служило спасением. Но на это нужно время. А музыка не ждет, идет дальше. И эта «дырка» в пении очень заметна. Притом, это случилось только в самом начале пения, потом больше не возникало. Я спросил у Гуго Ионатановича, что же делать. Профессор ответил, что единственным «лекарством» от этого являются частые выступления на публике, и направил меня в сектор практики консерватории. В то время очень были распространены Университеты культуры при ЖЭКах и при школах. Вот сектор практики и формировал группы из студентов, которые обслуживали эти Университеты. Я стал ездить по ЖЭКам и петь. И, действительно, через какое-то время эти спазмы перестали появляться. Больше эта проблема никогда не возникала.

Помимо занятий по вокалу, мой профессор уже на втором курсе подготовительного отделения направил меня в оперную студию присматриваться, прислушиваться, и вообще, немного вживаться в театральную жизнь. В том же году он назначил меня на партию «Парня» в «Царской невесте». Это крошечная партия состоит всего из трех фраз. Но надо было их петь с оркестром, надо было не растеряться, и спеть вовремя. И хотя бы что-то сыграть. Позднее, также на подготовительном курсе, я спел уже более весомые партии: Трике и Запевалу в «Евгении Онегине» и Дона Базилио в опере Моцарта «Свадьба Фигаро».

С той поры я просто прописался в студии. Я проводил там все свободное время. Сейчас, вспоминая то время, я вижу, что юности у меня, в обычном понимании этого слова, не было. Я не ходил на танцы, не сидел в компаниях, не разгуливал с девушками. Я весь был поглощен занятиями и оперной студией. Летом 1960 года, после экзамена за второй подготовительный курс, меня перевели уже непосредственно в консерваторию, и я стал полноправным студентом первого курса вокального факультета Московской консерватории имени П. И. Чайковского. В то время консерватория не имела своей оперной студии, она арендовала несколько дней в неделю сцену Училища им. Щукина. Зальчик был очень маленький и сцена крошечная, не соответствующая оперному театру.

Что и говорить, даже оркестр сидел под сценой, поэтому не всегда был хорошо слышен. И вот, на общем комсомольском собрании консерватории, когда зал был полон студентов всех факультетов, а в президиуме сидел ректор Александр Васильевич Свешников, мы, первокурсники, подговорили одного из наших студентов, которого звали Юра Калабин, с трибуны поднять вопрос о том, что студия очень мала и не соответствует требованиям оперного театра. Александр Васильевич пошептался с кем-то в президиуме, вероятно, узнавал, кто это такой, а потом спросил: «Товарищ Калабин, Вы сейчас на каком курсе?» Юра честно ответил: «На первом». Свешников продолжил: «Так вот, когда Вам понадобится оперная студия, мы уже построим новую». Вроде бы замечательно. Однако, с того момента прошло всего... 60 лет, Юра Калабин давно является солистом театра Б. А. Покровского, а может быть и вообще стал пенсионером, но до сих пор студии в консерватории НЕТ. Т. е. нет вообще никакой, ни своей, ни арендованной. Это поразительно – Московская консерватория им. П. И. Чайковского, считающаяся головным музыкальным учебным заведением, не имеет своей оперной студии. Певцы выходят из консерватории без оперной подготовки. Парадокс.

Наше поколение еще успело воспользоваться хотя бы той студией, которая была. Она нам дала очень большой опыт. В студии я спел (помимо «Парня», Трике и дона Базилио в «Свадьбе Фигаро») партии графа Альмавивы в «Севильском

цирюльнике», Ленского в «Евгении Онегине», Рудольфа в «Богеме» и Антонио в «Дуэнье». Т. е. в студии я получил большой опыт и пения с оркестром, и сценического поведения, и общения с партнерами. Когда я пришел работать в театр, для меня театр не стал чем-то новым и чужеродным.

Казалось бы, небольшой случай в моей жизни, но, тем не менее, я хочу на нем остановиться. В самом начале первого курса вокального факультета я уже активно работал в студии. Однажды, во время перерыва репетиции, ко мне обратился один старый работник хора. Он извинился и спросил, можно ли ему сказать мне о своем маленьком наблюдении. «Обратите внимание», сказал он, «я – бас, но я говорю высоко. А Вы – тенор и говорите низко, ниже, чем я. Это очень утомляет связки. Подумайте об этом, иначе в певческой жизни Вы будете испытывать большие трудности». Я сначала не предал этому особого значения. Но потом я подумал, сопоставил это с тем, что говорил Гуго Ионатанович о высокой позиции и понял, что этот бас был прав. И я стал следить за тем, чтобы говорить высоко. И, действительно, голос стал уставать меньше и звучать стабильнее. Это мне очень помогло в жизни, когда я уже был солистом театра. В театре исстари было принято, что в день спектакля певцы молчат. Они не разговаривают по телефону, с родными общаются только записками. Можно сказать – обет молчания. Я же вел обычный образ жизни. Я разговаривал по телефону, разговаривал с женой, смеялся. Только при этом всегда следил за высокой

позицией. Когда я приходил вечером в театр на спектакль, я никогда не распевался. Мне это было уже не нужно. Разговаривая в течение дня в высокой позиции, я уже исподволь распевался, голос уже был распет. Однажды моя жена Тамара сказала: «Ну, а, может быть, все-таки они (т. е. те, кто принимали «обет молчания») правы? Давай попробуем провести день, как они». Я согласился и целый день молчал. Вечером пришел я в театр и начал распеваться... а голоса нет, не звучит. Какой-то чужой, «неповоротливый». Мне пришлось очень долго распеваться, а он так до конца и не зазвучал как надо. Я промучился весь спектакль. А потом пришла Тамара, которая слушала меня в зале и сказала: «Ты был прав, это тебе противопоказано».

Когда мы работали в студии, мы забот не знали. Нас совершенно не интересовало, что консерватория арендует зал у училища. Мы считали это в порядке вещей. Но однажды (я уже, к счастью, работал в театре) Училище Щукина отказало консерватории в аренде. И что? А то, что студенты совсем перестали получать оперную практику, и стали выпускаться из консерватории, не имея ни сценического опыта, ни пения в опере. Но это еще не весь вред от разделения двух ВУЗов. Когда мы репетировали в студии, то мы часто смотрели и спектакли Щукинского училища, а щукинцы (или как они себя сами называли: «Щукины дети») слушали наши оперные спектакли. Это был процесс взаимного творческого обогащения. Юрий Петрович Любимов сначала поставил пье-

су Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана» именно на сцене Щукинского училища. Там, в студенческие годы я впервые и увидел этот спектакль. А теперь студенты консерватории не видят спектаклей Щукинцев, а те, в свою очередь, лишены возможности послушать оперу. И не только оперу. На этой сцене пели, будучи студентами, такие уже тогда замечательные певцы, как Т. Милашкина, Ю. Мазурок, А. Ведерников, Г. Писаренко и другие, ставшие впоследствии знаменитыми. Кроме таких знаменитостей в студии были еще студенты, которые потом составили высококачественный костяк солистов Большого театра. Таким, в частности, был баритон А. Федосеев. На нем хочу остановиться особо. Он был старше нас по курсу, да и по возрасту. Кроме того, он уже окончил Московский архитектурный институт и был профессиональным архитектором. Мы же, мелюзга, смотрели на него, как на что-то особенное. Он всегда был очень хорошо, модно одет, что нам было недоступно. После окончания консерватории он несколько лет пел в оперном театре города Новосибирска. В студии же мы с ним были партнерами, и позднее, когда его приняли в труппу Большого, наше партнерство продолжилось. Нельзя не упомянуть супружескую пару Глафиру и Юрия Королевых, Клару Кадинскую тоже впоследствии ставшими солистами оперы Большого театра. В студии были замечательные дирижеры. Это доцент Евгений Яковлевич Рацер и доцент Арон Соломонович Шерешевский. Оба прекрасные, тонкие музыканты и хорошие педагоги. Арон

Соломонович был романтиком. Возможно, поэтому он с особым романтизмом дирижировал «Богемой». Было впечатление, что он сам находился в Париже в той атмосфере. Он прекрасно ощущал всю чувственность этой оперы. Петь с Ароном Соломоновичем всегда было очень легко, и я пел всегда с большим удовольствием. Арон Соломонович прекрасно слушал и чувствовал певца и шел за малейшим движением его голоса. Очень мне запомнилась одна фраза Арона Соломоновича, которая метко его характеризует. Однажды кто-то из теноров настаивал на том, чтобы ему дали петь партию Рудольфа в опере «Богема». Мотивировал этот студент так:

«— У меня же есть ДО. (нота До)»

На что Арон Соломонович изрек:

«— Эээ, батенька, нужно, чтобы не только До было, но и после...»

Арон Соломонович был дружен со Святославом Теофиловичем Рихтером. Когда, после смерти Шерешевского, 15 января 1975 г, в его память был дан концерт в оперной студии, Рихтер с оркестром студии исполнил концерт для фортепьяно с оркестром Р. Шумана. Это было во втором отделении. А в первом с оркестром пели Клара Кадинская и Ваш покорный слуга. Мы пели и сольно и дуэт Джильды и Герцога из оперы Верди «Риголетто».

Евгений Яковлевич Рацер был полной противоположностью Шерешевскому. Он был несколько суховат, педанти-

чен, очень любил точность, скрупулезно следил за точностью выученных партий, и точностью пения.

Кроме дирижеров, в студии с нами работали и прекрасные режиссеры: это Заслуженный артист РСФСР, профессор Петр Саввич Саратовский, сам бывший певец, и Заслуженный артист РСФСР Игорь Константинович Липский – актер театра им. Вахтангова Они, начиная с азов, учили нас актерскому мастерству, а потом и совершенствовали его. Они учили нас сценической логике и органичности. Лично я очень им благодарен. Петр Саввич Саратовский совместно с Евгением Яковлевичем Рацером в 1959 году поставили оперу «Дуэнья». Это была первая постановка «Дуэньи» в Москве. Относительно через небольшой срок «Дуэнья» (она же «Обручение в монастыре») была поставлена и на сцене Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Так вот, постановка в нашей оперной студии была признана более интересной и удачной, чем в Театре им. Станиславского. Это подтвердили композиторы, собравшиеся в это время на свой очередной съезд. Они послушали оба спектакля, сравнили, и результатом этого была статья в одной из газет под названием «Давид победил Голиафа». В премьерных спектаклях «Дуэньи» я не участвовал. Я был еще «маленький» и вошел в этот спектакль только через несколько лет.

В студии, как и в любом театре, случались смешные казусы. Однажды, на спектакле «Богема» в последнем акте певцы

ца, певшая партию Мими, не взяла с собой на сцену плед. Этим пледом я должен был укрыть ее, лежащую на кушетке. «Умиряющая» Мими тихо шепнула мне на ухо: «Плед забыла». Краем глаза я заметил висящую на стуле какую-то ткань. Сделав мощный рывок в сторону стула, я схватил ткань и, удовлетворенный находкой, укрыл Мими. В это время подползает ко мне певец, который пел партию Коллена и с безумными глазами говорит: «Ты что сделал. Это же мой плащ. Как же я буду петь свою арию». А ария так и называется «Ария с плащом». Суть ее в том, что Коллен готовится продать плащ, чтобы купить лекарства для Мими. Начинается она так: «Плащ старый неизменный. Я расстаюсь с тобой, мне нужна твоя услуга, выручать надо друга». Стаскивать плащ с умирающей Мими, конечно, никто не мог. Оркестр сыграл вступление к арии Коллена, певец взял угол пиджака в кулак и спел: «Пиджак старый неизменный...» На сцене тряслись все, вплоть до «умирающей» Мими. Коллен спел и ушел. Через определенное по роли время он возвращается уже в рубашке, без пиджака. Это развеселило нас. еще больше. Вообще, на сцене очень простые и даже не смешные в жизни вещи иногда вызывают приступы безудержного смеха. Причём особенно смешно бывает, когда по сюжету смеяться нельзя.

Был еще один запоминающийся случай. В начале 1960-х годов один художник привез из заграничной командировки в Москву оспу. Страшно заразная болезнь. Боялись начала

эпидемии. И вся Москва ходила под впечатлением возможности заразиться. Везде делали прививки. И, конечно, самой злободневной темой для разговоров, была именно оспа. Все время было слышно: оспа, оспа, оспа. И вот в этот период в студии идет спектакль «Севильский цирюльник». За пультом Е. Я. Рацер. Во втором акте, в дом доктора Бартоло «неожиданно» для других персонажей приходит Бон Базилио. Он всем мешает, и все стремятся под любым, даже надуманным предлогом, скорее его выпроводить. В знаменитом квинтете есть такой текст:

– Дон Базилио, дон Базилио напрасно, да, напрасно
Вы выходите больной.

Он изумленно спрашивает:

– Я-больной?

– О, да, конечно. Точно мертвый, побледнели

– Точно мертвый. Неужели и т. д.

Так вот в этом месте один аспирант, который пел дона Базилио спел так:

– Может оспа. Неужели.

Что потом было в зале – передать трудно. Хохотали так, что стены дрожали! Все держались за животы. Оркестр побросал смычки и ничего играть уже не мог. На какое-то время спектакль в буквальном смысле остановился. Певцы не могли петь. Оркестр не мог играть. К счастью, я этот спектакль не пел. Я человек очень смешливый, думаю, что не успокоился бы до конца акта. Как-то потом я разговаривал с

Евгением Яковлевичем и в частности спросил об этом случае. Он сказал, что сначала он очень рассердился, но потом, видя, что происходит в зале и в оркестре, и сам стал смеяться. Я понимаю, сейчас, когда угрозы оспы нет, это все может быть и не так смешно, но тогда...

12 апреля 1961 года состоялся знаменитый полет Юрия Алексеевича Гагарина – первого человека, покорившего космос. Вся страна ликовала. Мне рассказывал впоследствии режиссер Большого театра Никита Юрьевич Никифоров, как он выступил в театре по этому поводу. В тот день шел утренний спектакль. Зрители еще не знали о событии. И вот Никита Юрьевич, непосредственно перед началом следующего акта, когда все уже сидели на своих местах и свет в зале был погашен, вышел перед занавесом и объявил, что сегодня майор Юрий Гагарин совершил первый в мире полет в космическое пространство. Он рассказывал, что тут началось... Потом он шутил, что получил такие аплодисменты, которых ни у кого из певцов никогда не было. Это, конечно же, была жизненная веха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.